

КЪ 80-ЛѢТІЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АВТОРА «ГОРЯ ОГЪ УМА».

Александръ Сергѣевичъ ГРИБОѢДОВЪ.
Род. въ Москвѣ 4-го января 1785 г., убитъ въ Тегеранѣ 30-го января 1829 г.
По рисунку Ворона.

Монастырь СВ. ДАВИДА близъ Тифлиса, гдѣ покоренъ А. С. ГрибоѢдовъ.

и близкѣхъ молодому государю, легко опровергнуть всякія обвиненія въ сочувствіи декабристамъ и вышесъ изъ-подъ четырехмѣсячнаго ареста въ Главномъ штабѣ честь, „какъ стекло“. Онъ былъ представленъ государю, получилъ очистительный аттестатъ, официально снятый съ него всякій подозрѣніи, былъ награжденъ чиномъ, денежной наградой и ему предоставлено было вернуться къ своей тяжелой службѣ на Кавказѣ. Эта реабилитация ничуть не удовлетворила самого Александра Сергѣевича. Онъ переживалъ тяжело чувство разочарованія и крушенія лучшихъ надеждъ русскаго общества, ему казалось, что его роль, какъ чиновника, при „новомъ курсѣ“ была невозможна и что настало время, выйдя въ отставку, отдаться кабинетной работѣ, тому поэтическому призванію, которое онъ такъ живо ощущалъ и сознавалъ въ себѣ всегда.

Вскорѣ послѣ оправданія ГрибоѢдовъ былъ въ Москвѣ (въ концѣ юлія 1826 г.). Тамъ шли усиленные приготовления къ коронаціи, къ приему царской фамиліи. Вскорѣ по приѣздѣ государя въ Москву получено было извѣстіе отъ А. П. Ермолова о нарушении мира Персами и ихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ. Не доверяя А. П. Ермолову, государь сибирю посылалъ на Кавказъ своего „отца командира“, генерала И. Ф. Паскевича, давъ ему письменный секретный приказъ сжигать Ермолова въ случаѣ крайней необходимости. Нужно замѣтить, что И. Ф. Паскевичъ приходился родственникомъ ГрибоѢдовымъ: онъ былъ женатъ на диссидентской сестрѣ А. С. ГрибоѢдова, и мать поэта была его belle-tante. Последняя была хорошо известна въ Москвѣ своимъ честолюбіемъ, рѣзкостью тона и эгоистичнымъ характеромъ; она всегда мечтала о блестящей служебной карьерѣ для своего единственнаго сына. Моментъ окончательно реабилитировать его въ глазахъ государя и выдвинуть на служебномъ поприщѣ казался ей самымъ удобнымъ. Къ ея досадѣ, самъ ГрибоѢдовъ ни за что не хотѣлъ ѣхать служить при Паскевичѣ и даже возвращаться на Кавказъ. Тогда, по свѣдѣтельству сестры писателя, мать его поспулилась на хитрость: „Она какъ-то пригласила Александра съ собою поколѣтиса у Императрицы Вожіей Матери. Приѣхали, услужили молебать... Вдругъ матушка узнала о нарушении мира Персами и ихъ

Александръ С. ГрибоѢдовъ. 1829

ГрибоѢдовъ

*Дружина! Вспомни отъравленіе въ Багдадѣ,
до кончины синагоги, которую думалъ въ Багдадѣ,
со мной началъ въ галереяхъ сумной погребальной,
въ Тегеранѣ, ранахъ, отъ которыхъ не было спасенія,
длинными ушами, и мучилъ въ Москвѣ Александровъ, въ
Библіотекѣ, убитъ имъ въ Тегеранѣ. Сестра ГрибоѢдова*

Автографъ А. С. ГРИБОѢДОВА, — начало письма отравленнаго имъ изъ Казиба въ сенокольникъ 1828 года, за мѣсяцъ до смерти.

„Дружина! Вспомни отъравленіе въ Тегеранѣ, до котораго отъсидѣ четыре дня въ Багдадѣ и въ Москвѣ началъ со мной сумной погребальной, что она болѣла до тебя прежде двенадцати дней, такъ же М-ня Масловна, въ Москвѣ получила мои колѣтиса. Величій другъ.“

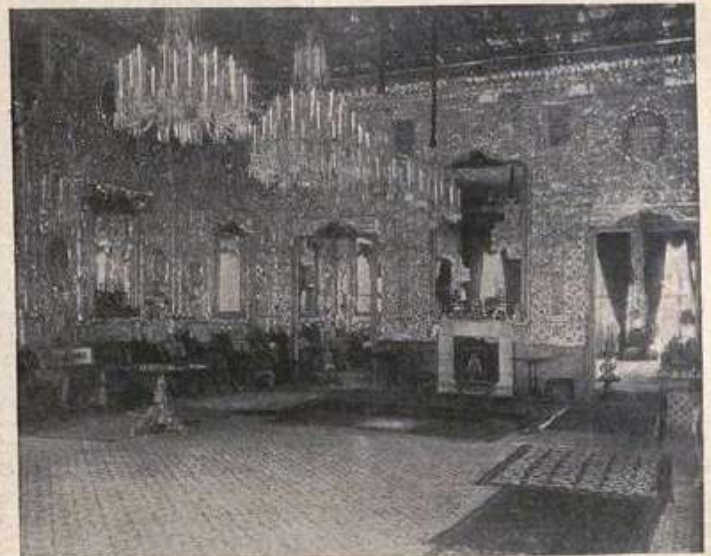
Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни А. С. ГрибоѢдова.

Къ 80-лѣтнію со дня его кончины.

ГрибоѢдовъ межъ двухъ огней.

Императоръ Николай I, по возушеніи буржъ, но, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ и не безъ тайнаго покровительства людей связныхъ

отъ ума», сажившаго въ то время секретаремъ по дипломатической части при главнокомандующемъ на Кавказѣ, генералъ А. П. Ермоловъ. Писателя подражали въ соучастіи въ злоумышленномъ обществѣ, но ГрибоѢдовъ, за три тысячи верстъ привезенный фельдшеремъ изъ крѣпости Грозной въ Петербургъ, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ и не безъ тайнаго покровительства людей связныхъ

Большой залъ въ шахскомъ дворцѣ, — мѣсто парадныхъ грѣзовъ стрелковъ-восстаниковъ. Въ этомъ залѣ была дана аудиенція А. С. ГрибоѢдову, когда онъ былъ назначенъ русскимъ полномочнымъ министромъ и посланникомъ въ Персію.

бозать, чтобы он согласился на то, о чем она будет просить... Растроганый, взволнованный (Грибодов был очень религиозен), он дал слово... Тогда она объявила ему, чтобы он взял к Паскевичу...

Так была решена служба Грибодова при Паскевиче, которая обязала его играть роль во время Персидской кампании 1827—28 года и при переговорах о мире и блестящей дипломатической почте первого чрезвычайного посланника и полномочного министра России в Персии. Едва ли не почетнейшая Настасья Федоровна (мать поэта) подстрекала также и самую близкую сына на Кавказ не в одиночестве, а вместе с Паскевичем. Напросил Грибодов уехать из Москвы к Влгичеву, своему любимому другу, в его Тульскую деревню, с Екатерининское. Паскевич выждал его в Воронеж, и Грибодов видел возможность первой ознакомить генерала с истинным положением дел на Кавказе и в Персии. Но на первых же шагах действительность положения Грибодова при Ермолове и Паскевиче не замедлила сказаться. «Шоное мое житье здѣсь», пишет он из Тифлиса Влгичеву (9 декабря 1826 года). «На войну не пошла, потому что и Алексѣй Петрович (Ермолов) туда не пошел. А теперь другого рода война. Два старшие генерала спорятся, съ подчиненных веры летать... Старший наш (Ермолов) человек прошедшаго вѣка. Несмотря на все превосходство, данное ему от природы, водержит можеть строгим. Совершенно ему глаза колеть, а отдѣляясь от него оного можеть и не убитъ. Увусилъ случай, чтобы выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоить. Вообще война съ Персіями самая несчастная, медленная и безвыходная». Повидимому, Ермолов, раздраженный вмешательством Паскевича, давалъ сильно чувствовать своему секретарю его «измѣны» и неблагодарность за прошлое. «Буду ли я когда-нибудь независимъ отъ людей?—восклицаетъ Грибодов.—Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ царя въ жизни, которую себѣ назначилъ, а можеть стать наперекоръ судьбѣ. Позволь Люблю ее безъ памяти, судбно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить?» «Напоонецъ, что слава?»—продолжаетъ онъ. «По словамъ Пушкина,

Лишь яркая воллота
На вѣткахъ рубинъ ильца.

«Кто насъ уважаетъ, пьвдво, истинно въдохновенный, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и кубиситскихъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ вѣтвилъ бы Омара, скотъ, но вельможа и Кресть. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣтныхъ ситговъ! Хоть до костей пронизаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ разнузданнѣе нашъ сардаръ; я думаю даже, что онъ ихъ незаддитъ. Усуонъ се qui en sent?»

На службѣ при Паскевичѣ.

Вскорѣ тягостное положение разрѣшилось. Ермоловъ былъ отстраненъ отъ должности и уѣхалъ съ Кавказа, а Грибодову открылась возможность стать близко къ Паскевичу. Онъ уезжалъ «въ работу». «Не ожидай отъ меня стиховъ»,—писалъ онъ (16 апрѣля 1827 г.) Булагину, «Горим, Персіею, Турки, дѣла управления, огромна переписка иштиннаго моего началника погонять все

* По автографу ансам А. С. Грибодова къ С. Н. Влгичеву, хранящаяся въ «Музеи имени А. С. Грибодова» въ Москвѣ.

мое вниманіе. Но надолго, разумеется: кончится кампанія, и я отлучаюсь...» Но на дѣлѣ служебная работа затнула Грибодова. Правда, онъ чувствовал себя далеко не сладко возлѣ строящаго, заблужденнаго генерала и «отличійшаго человека во всемъ, промѣ обращенія, на тяжесть котораго жаловались всѣ». Но ему удавалось вліять на рѣшенія генерала и тѣмъ направлять ходъ военныхъ дѣйствій, и Паскевичъ писалъ матери его: «Нашъ свѣзой (Грибодовъ) былъ очень близорукъ» совѣзъ меня не слушается: разбѣзаетъ себѣ воль пулями, да и только». Послѣ вліянія Аббас-Абада, движеніе къ которому произведено по собу Грибодова, Персия пыталась войти въ соглашеніе съ Паскевичемъ и заключить миръ. Для переговоровъ и выработка условий мира былъ командированъ къ насѣбному принцу Аббас-Мирзѣ Грибодовъ. Условия эти, выработанныя по соглашенію съ Паскевичемъ, были настолько тягостны для Персовъ, что они ихъ не приняли. Но Грибодовъ, какъ бывшій военный, успѣвъ ознакомиться съ расположеніемъ ихъ войскъ и опредѣлить ихъ приблизительное ихъ количество. Убѣдившись, что Персіею пойдутъ на наши условия лишь послѣ вліянія Эрвана вооруженной ружой, и узнавъ о состояніи этой вѣрности, онъ сталъ упорнѣе першаннаго на окологавельна дѣйствія Паскевича въ несомнѣнны успѣхъ предпріятія. И действительно, Сардаръ былъ взятъ въ четыре дня, а затѣмъ Эрванъ въ теченіи шести. Персы были разбиты за-голову и пошла на всевозможныя уступки, пуская лишь въ ходъ всевозможныя литрости, проволочки и коварство, которыя такъ хорошо разгадывалъ Грибодовъ и обличалъ передъ главнокомандующимъ. Миръ въ Туркманчай, подписанный Паскевичемъ и Аббасомъ-Мирзой въ ночь съ 9 на 10-е февраля 1828 года, былъ выработанъ и одобренъ Грибодовымъ. Онъ легъ потомъ въ основаніе Туркманчайскаго трактата, ратификованаго главами воюющихъ сторонъ и до настоящаго времени дѣйствующаго въ сношеніяхъ нашихъ съ Персидскимъ государствомъ. Донесеніе о давно желанномъ въ Петербургѣ мирѣ было поручено Паскевичемъ отнести въ Петербургъ къ государю А. С. Грибодову. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 11 февраля 1828 г. Паскевичъ писалъ государю: «Я осмѣливаюсь рекомендовать его (Грибодова), какъ человека, который былъ для меня во политическомъ дѣлѣ весьма полезенъ. Ему обязанъ я мыслью не приступать къ заключенію трактата прежде полученія впередъ части денегъ, и послѣдствія доказали, что безъ сего дало бы ми не достигли въ дѣлѣ семь желаемыхъ успѣхъ». Нужно замѣтить, что контрибуція, о которой писалъ Паскевичъ, была наложена на Персію въ суммѣ 10 куруровъ (20 миліоновъ рублевъ серебромъ, а вѣхладную русскую монету 70 миліоновъ) и что «застъ денеть», на уплатѣ которой до заключенія трактата настаивалъ Грибодовъ, равнялась 6 курурамъ, т. е. больше половины всѣхъ денеть. 14 марта 1828 года Грибодовъ прибылъ въ поддѣнь въ Петербургъ и въ тотъ же день вечеромъ былъ принятъ государемъ, нетерпѣливо ожидавшимъ извѣстій о мирѣ съ Персіей. Вѣстникъ мира былъ поздравленъ самимъ государемъ чинномъ статскаго совѣтника и награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., съ алмазами, и деньгами (4,000 червонныхъ).

Желанія матери Грибодова исполнены: ее смѣлъ былъ окончателно ратификованъ въ глазахъ всѣхъ милостями самого государя. Самъ Грибодовъ не переставалъ, однако, думать о другой дѣятельности, которая могла дать глубокое внутреннее удовлетвореніе его творческому гению. Черезъ всю переписку его, съ момента стѣзды его на Кавказъ, во время самой напряженной работы, проглядываетъ вѣстная пытка неотступное желаніе бросить службу, спастись отъ семилки на Востокъ во что бы ни стало. Объ этомъ онъ пишетъ всѣмъ: и Влгичеву, и Булагину, и Ахверовой, и Амбургеру, и Жапру съ В. С. Миклашевичъ, а послѣдствіемъ и жнѣ. Объ этомъ онъ не перестаетъ мечтать и въ Петербургѣ, особенно когда онъ сразу окунался въ близкую ему литературную среду. Въ одной послѣдней съ нимъ, гдѣ онъ остановился (у Демута, на Комошонной), жилъ А. С. Пушкинъ, съ которымъ онъ близко сошелся и показывалъ въ литературныхъ круглахъ. И. А. Крыловъ, Греть, кн. В. Ф. Одоевскій, П. П. Свинный, М. И. Глинна, А. А. Жандръ дѣлалъ его общество и остроумную бесѣду. «Это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи»,—говорилъ про него Пушкинъ. Но недолго пришлось Грибодову оставаться на вольѣ, въ родной атмосферѣ Петербурга. Его ожидало дѣло, которое послыло навязалось ему на шею и которое такъ и не удалось ему сбросить до самой смерти.

Первый чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ нашъ въ Персію.

Назначеніе Грибодова полномочнымъ министромъ въ Персію произошло благодаря его собственному плану, выраженному въ бесѣдѣ съ руководителемъ нашей иностранной политикой. Грибодовъ на предложеніе вѣхать въ Персію поврѣяннымъ въ дѣлахъ отвѣтилъ министру, что намъ въ Персію необходимо учредить явную съ полномочнымъ министромъ во главѣ, чтобы ни шагу не уступать англійскому посланнику. Англія въ то время только одна изъ европейскихъ державъ имѣла представителя въ Персіи, и только ея интересы сталкивались съ нашими.

Министръ улыбнулся,—разсказываетъ самъ А. С. Грибодовъ Влгичеву,—и замолчалъ, полагая, что и по честолюбію желая имѣть титулъ посланника. А я подумалъ, что тутъ прошла мимо и назначать кого-нибудь чиновнѣ меня, но черезъ всѣхъ-таки мной министръ присылаетъ за мной и объявляетъ, что я по Высочайшей воли назначенъ полномочнымъ министромъ. Дѣла было нечего. Отказаться отъ этого поль какимъ-нибудь предлогомъ, послѣ всѣхъ милостей царскихъ, было бы съ новой стороны самой черной неблагодарностью. Да и самое назначеніе мое посланникомъ въ моемъ чинѣ я долженъ считать за милость...

Любопытно, что Грибодовъ сразу понялъ, какой опасности подвергаетъ онъ свое жнзнь во возвращеніи въ Персію, и, ценою, повидимому, совершенно не приняло въ расчетъ наше министерство при назначеніи. Приѣхавъ отъ министра къ Жапру поздно вечеромъ, онъ разбудилъ стараго друга и литературнаго товарища и сказалъ: «Прощай, другъ Андрей! Я назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію, и мы больше не увидимся... Насъ тамъ непременно всѣхъ череркутъ... Аларь-ханъ мой личный врагъ. Не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата». Объ этомъ же онъ говорилъ потохъ чуть не всѣмъ своимъ знакомымъ. Въ самомъ дѣлѣ, статья Туркманчайскаго трактата полагала на Персовъ много и материальныхъ и нравственныхъ тяготъ. Статья о вѣдннхъ русско-подданныхъ дала право возврата ихъ въ Россію безъ всякаго вознагражденія частнымъ лицамъ, у которыхъ они могли оказаться. Контрибуція легла въ тяжелымъ бременемъ на шахскую казну и, конечно, на народъ, изъ котораго шахъ и его сардары должны были выкачивать усиленные подати. Безъ всякаго наказанія должны были остаться въ Персіи тѣ персидскіе подданные, которые во время войны оказали услуги Россіи. Требованія дѣятельнаго исполненія этихъ условий трактата не могли не встрѣтить противодействія со сто-

роны персидскаго правительства, отъ кого бы они ни исходили. Но они ядро были тягостны въ услахъ главнаго автора неапатнаго и упитательнаго трактата. 6 июня 1828 года Грибодовъ навсегда распростился съ Петербургомъ, а 12 июня съ Москвой. Онъ вѣхалъ, свабоченный дѣлымъ рядомъ вопросовъ о дѣлѣ, возникавшимъ изъ его новаго положенія. Ратификація трактата для Персовъ договора, дѣйствию комити, опредѣляющей новыя наши границы съ Персіей, заботы о полученіи оставшейся неуплаченной контрибуціи, хлопоты за отправленіе въ Россію, за русскихъ вѣдннхъ, а также притаенъ правительствомъ и частными лицами въ Персіи, чтобы не получить убытка, вѣчная стѣтвенность въ каждомъ шагѣ передъ министерствомъ,—все это тревожило его какъ поляна болѣе и встало передъ нимъ оило за другимъ самымъ неотступнымъ образомъ, требуя разрѣшенія.

Приѣхавъ среди этихъ заботъ на Кавказъ (6 июля), Грибодовъ навѣстилъ прежде всего П. Н. Ахверова, стараго своего друга, живнуща въ прекрасномъ замкѣ своемъ въ Тифлисі, часть котораго занимала семья кн. А. Г. Чавчавадзе, находившагося въ то время въ походѣ. «Это было 16-го (июля),—разсказываетъ въ письмѣ Булагину Грибодовъ.—Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахверовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзе (второй томъ Лепочка), все на нее глядѣлъ, залукался, сердце заболѣло. Не знаю, безвѣстность ли другого рода, не службѣ, теперь особенно опасно казны, или что другое придаю итѣ рѣшительность необычайную. Выходъ изъ за стола, я взялъ его за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушала, какъ и всегда: вѣрно думала, что я ее усажу за фортепьяно. Вышло не то; дотъ я матери выхалъ, ми туда уклонился, вошелъ въ комнату, шелъ у меня разгорѣлись, дыханіе занлалось. Я не помню, что я началъ ей бормотать, и все жнзнь я живнѣ; она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери, Праск. Инѣ Ахверовой, насъ благословляла...» Женитба задержала Грибодова на Кавказѣ. Только 9 сентября выхалъ онъ съ молодой женой (ей еще не было 16 лѣтъ) въ Тавризъ, куда прибылъ 6 октября.

Оставивъ жену въ интересномъ положеиіи на почтеніи супруги англійскаго посланна полковника Маковалда, Грибодовъ покинулъ Тавризъ 9 декабря въ сопровожденіи секретарей Мальнева и Аделунга, врача мисіи Мальберга, переводчика мнрмъ Неримава, 16 кубанскихъ казаконъ и до 30 теловѣтъ прилуги, бывшей постъ присмотрамъ Армянина Кудметбега. Черезъ три недѣли посланникъ со встрѣтившимъ его полѣ Тегераномъ военнымъ конвоемъ и почтеннѣйшимъ жителями съ высшими сановниками во главѣ вѣхалъ въ Тегеранъ, гдѣ около воротъ шаха Абуль-Азіма ему были отвѣлены домъ умершаго Магомедъ-хана Зебуръ-аки-Баши.

Первое торжественное представленіе шаху, на которомъ посланникъ вручилъ свои вѣрительныя грамоты, и первый двѣ недѣли прошли благополучно. Шахъ и его вельможи милостиво приняли Грибодова и устраивали въ честь его празднества. Но и тогда опытный глазъ замѣтилъ неудовольствіе шаха, утоминашагося часовой ауденціей, во время которой посланникъ сидѣлъ порохъ шохомъ; бросалось въ глаза упорное пожеланіе вѣхоторыхъ близнкихъ шаху лицъ принять Грибодова и сдѣлать ему ишатъ, а также поведеніе самого шаха, прекратившаго ауденцію съ полномочнымъ министромъ Россіи словомъ «мурлахасъ»*, которое Грибодовъ признавалъ неприличнымъ, и на что напрасно жаловался персидскому

* «Мурлахасъ»,—значитъ: «можеть идти»

министру иностранных дѣлъ. Было под-
временно и отсутствие Англичанъ въ Те-
геранъ въ такой моментъ, когда пред-
ставленіе русскаго посланника, обмѣнившее
новое направление нашихъ отношеній съ
Персіей въ ущербъ Англійи, не могло не
безопасно намъ соперничать въ Пер-
сїи. Когда же вопросъ коснулся выплата
трактата о русско-поданныхъ иранскихъ,
къ тому укравательства которыхъ удавалось
обнаруживать посланнику только самымъ
случайнымъ образомъ, то отношенія ме-
жду нашей миссіей и правительствомъ ша-
ха стали явно портиться съ каждымъ
днемъ.

Смерть Грибовдова.

Статья 13-я Туркманчайскаго трактата
о военно-пленныхъ и русско-поданныхъ
давала неограниченное право воспомина-
нику, какъ представителю русскаго
правительства, при обнаруженіи каноне-
рско-поданныхъ или русско-поданной
области (в тѣхъ случаяхъ, послѣ присоединенія
армянской области—Эриванской губерніи—
оказывалось очень большое число въ ру-
кахъ Персовъ), возмещать имъ право
вернуться на родину, и персское пра-
вительство обязано было оказывать посто-
янное содѣйствіе. На основаніи этой статьи
Архиве десятилетия тысячъ уже пересели-
лись въ пределы Поволжья, расширившей
Туркманчайскимъ трактатомъ, Россіи, и
Грибовдовъ не было ни дня, ни ночи
покой отъ хлопотъ за изъ иудуство,
оставшееся почему-либо въ Персїи. По хо-
дѣ трактата Грибовдова, ему высочайше было
предоставлено поручить одному изъ стар-
шихъ русскаго поданныхъ явиться поку-
пательскъ въ Персїю въ Персїю въ
нѣкоторыхъ бывшихъ персидскихъ поданныхъ,
съ цѣлью заставить до вѣщенія условленнаго
пятилѣтняго срока правительствомъ Персовъ
скупить означенныя имѣнія.

Архиве не отстаивали отъ посланника и
во время его побѣды въ Тегеранѣ.
Почему прислужа, съ посланникомъ шло
много такъ армянскихъ и грузинскихъ
добротолыцъ, которые направлялись
въ столицу только для того, чтобы
разыскать своихъ родственниковъ, убійствъ
ихъ, если это было нужно, что имъ будетъ
лучше подъ русской державой, освободить
ихъ при походы посланника, который тѣхъ
энергичнѣе отстаивалъ ихъ интересы, что
Архиве были новые русско-поданные и
къ тому было влупить полное въ себя
доброе. Такимъ образомъ Грибовдовъ дол-
женъ былъ выступить на защиту права
вернуться на родину двухъ женщинъ, ока-
завшихся во власти алчяго врага его,
Азаръ-ланы. Реликвины вернуться въ
Эриванъ дѣвушки были взяты върасурь
по возвращеніи на родину въ поселство.
Въ извѣстномъ по поводу ихъ, какъ по-
рываетъ армянскій историкъ, явился
къ посланнику для переговоровъ Мирза-
Якубъ, также эриванецъ, евнухъ, слу-
жившій въ гаремѣ шаха, достигшій
тамъ почетнаго положенія, какъ казначей
и главный хранитель сокровищъ гарема.
Убѣдившись изъ бесѣды съ посланникомъ,
что и онъ, Мирза-Якубъ, имѣетъ право
вернуться на родину и сбросить надѣвшій
ему исламъ, онъ сталъ просить посланника,
чтобы онъ врѣшалъ его подъ свое покрови-
тельство. Но Грибовдовъ, желая дать ему
время обдумать свой поступокъ, сослался
на полное время и сказалъ ему, чтобы онъ
явился шемъ. Мирза-Якубъ на другой же
день съ частью своихъ пожитковъ пере-
селся въ домъ нашей миссіи. Посланникъ
еще нахалунъ переселенія Якуба имѣлъ
прощальную аудіенцію у шаха, и день
отъѣзда въ Тавризъ былъ рѣшенъ, но, въ
виду прямого отношенія повому русско-
поданнаго къ главѣ персидскаго государ-
ства, посланникъ на другой же день запро-
силъ частную аудіенцію у шаха для вы-
ясненія вновь возникшаго инцидента съ
мирзой-Якубомъ. Аудіенція эта по призыву къ
добрѣ. Шахъ, видя, что въ крайности
ослабленъ противъ дѣятель русскаго по-
сланника, и рѣшился сначала на законномъ

основаніи не отказать своего евнуха, кото-
рый могъ выдать тайны его гарема и, глав-
ное, сообщить точныя свѣдѣнія о казнѣ ша-
ха, которую онъ вслѣдствіи оберегалъ отъ
платы Россіи слѣдующей ей контрибуціи,
взваливалъ эту обязанность на виновника
войны—Аббасъ-Мирзу.

Дѣло мирзы-Якуба, на котораго Персы
послѣднимъ ввели обаненіе въ ханди-
ви въѣршихъ ему сузья, было рѣ-
шено передать на рассмотрениеъ пред-
ставителей шаха и русскаго посланника. При
этомъ удалось убѣдить Персовъ, что послан-
никъ, по точному смыслу трактата и тор-
говой конвенціи, имѣетъ право, и Мирза-
Якубъ подлежатъ возврату Россіи, извѣ-
дывая же противъ него обвиненія должны
быть признаны голословными. Когда пра-
вительству пришлось послѣ этого оказы-
вать помощь и содѣйствіе посланнику,
былъ распущенъ слухъ о переходѣ ми-
рзы-Якуба изъ ислама въ христіанство, и
дѣло такимъ образомъ перешло въ юрис-
дикцію персидскаго духовенства. Глава его,
Изра-Мессихъ,—сдѣлавъ неволь двавеніе
шаха,—сдѣлалъ все, чтобы возстановить
тегеранское поселеніе противъ русскаго ми-
сиса и, приговоривъ къ смерти мирзу-Якуба,
призывалъ папство на русскую мисію для
освобожденія отобраннаго у Персїи
платныхъ.

Наканунѣ катастрофы 30 января, пред-
ставители персидскаго духовенства обхо-
дили городъ, объявивъ, что на другой день
всѣ лавки должны быть запечатаны, а пра-
воѣрныя должны собраться въ мечети.
Въ это время посланникъ, видѣвшій не-
однократно доказательствъ безбояз-
ности членовъ мисіи отъ персидскаго на-
рода, писалъ рѣшительную ноту министру
иностраннхъ дѣлъ, угрожая ему своимъ
отъѣздомъ изъ Персїи, такъ какъ лич-
ная безопасность членовъ посольства въ
ней не гарантирована. Несмотря на это
официальное заявленіе русскаго послан-
ника, несмотря на несомнѣнную осведо-
мленность, что на другой день готовитъ
народный бунтъ и жизни посланника
можетъ угрожать опасность,—правитель-
ство шаха не ударило папство о папство
для того, чтобы предотвратить несчастье
или выручить русскую мисію въ рѣшитель-
ную минуту.

Когда на слѣдующій день рано утромъ
народъ, собранный въ мечетахъ, услы-
шалъ приказъ духовенства идти къ до-
му русскаго посланника, убить живыми,
ка Мирзу-Якуба и освободить пленныхъ,
онъ былъ убѣренъ въ своей безбояз-
ности. Солдаты шахскаго войска, обяза-
ности защищать посольство, видѣли среди
грабителей, а спонсоровъ правительства съ
мирзой-Мессихомъ не прорывались до мо-
мента гибели мисіи. Разорвавъ въ клочки
мирзу-Якуба и уведши пленныхъ, народъ
было отхлынуло отъ посольскаго дома,
но въ убійствѣ Русскимъ во время пер-
вой стычки Персїи, окровавленнаго тѣла
которыхъ были положены въ мечеть,
довелъ расхаживающаго члена до вѣстов-
ства. Забывъ все, съ крикомъ «смерть ка-
фирамъ», она вторично громадной толпой,
наполовину вооруженной, бросилась во
дворы посольскаго дома и осадила съ
крыши и снизу помѣщеніе посланника,
бомбардируя его градомъ камней а кирпичей.

Помѣщеніе, которое занималъ Грибовдовъ,
приходилось на третьемъ, наиболѣе удален-
номъ отъ входа, дворѣ; оно было во
второмъ этажѣ, изъ котораго велъ узкая
лѣстница во дворъ. Большая гостиница
и пріемная занимала среднюю и выходила
набольшій омытъ во дворъ, а по бокамъ
были спальни, кабинетъ и другія комна-
ты. Когда съ лестницы мятежники бро-
сились въ помѣщеніе посла, онъ, по при-
казу указавшимъ, пытался уговорить
толпу и подѣйствовать на все внѣшнимъ
видомъ, для чего надѣлъ посольскій муш-
кетъ и регаліи. Когда это не помогло,
онъ принялъ участіе въ защитѣ и отстре-
ливался вмѣстѣ съ другими изъ гости-
ницы, но въ широкия окна сыпалась такой
градъ кирпичей и камней, что оставать-
ся въ ней не было возможности, амыши
и патроны, и пришлось скрыться въ со-
седній спальнѣ. Но тамъ вскорѣ проло-
мали крышу и на глазахъ посланника
убили его молодшаго брата, бѣднаго ему
слугу, Гривова; лицо самого посланника
было окровавлено отъ удара камнемъ.
Добравшись съ казаннымъ урядникомъ и
немогиа оставшимся въ живыхъ до
удаленной комнаты съ перегородкой, онъ
погибъ отъ кинжальнаго удара въ грудь,

нанесеннаго однимъ персидскимъ атле-
томъ, ина и мѣсто жительства кото-
раго хорошо было потому извѣстно
Персамъ.

Тѣло убитаго была раздѣта до вага
и съвязаны во дворахъ посольскаго дома.
«Обезображенный трущъ его былъ три
дня играющимъ тегеранской черни.—
совершенно вѣрно говорить Пушкинъ
въ своемъ «Путешествіи въ Армерію».
Тѣло его, привязанное за ноги те-
реванами, волочили по улицамъ Тегера-
на съ насильственными криками: «Дорогу,
дорогу русскому посланнику! Онъ ѣдетъ
съ визитомъ къ шаху. Вставайте, окажи-
те ему честь, снимайте передъ нимъ ша-
пки по франкскому обычаю!» На пло-
щадѣ, у главнаго воротъ цитадели, трущъ
его былъ выставленъ на показъ всему
народу, и только на четвертый день рѣ-
шилися тѣла несчастныхъ убрать изъ
посольскаго дома и свалить за городъ
въ обширный ровъ. Тѣло Грибовдова было
передано священникамъ армянской церкви;
тамъ оно и стояло до выдачи русскому
правительству. Только черезъ три мѣсяца,
30 апрѣля, когда уже неоразумѣна съ Пер-
сїей были узаконены Пакинскимъ, Пушкинъ
около Гергеръ встрѣтилъ простую арбу, за-
прятанную двумя волами, въ соприкосле-
ніи нѣсколькихъ Грузинъ. На вопросъ,
что они везутъ: «Грибовда!» — отвѣтили
они.

И только 18 июля, по выдержаніи
всѣхъ карантинныхъ, состоялся на гоуръ
св. Давида похороны Грибовдова, горько
оплаканнаго всѣми, кто только зналъ ге-
ральной человѣка и писателя.

Молодая жена его, Нина Александровна,
мало возмужъ жила († 25 июня 1857 г.) въ
Тифлисѣ, оставалась какъ бы живымъ вы-
раженіемъ печали русскаго народа надъ
гробомъ своего поэта. Она хранила въ
дружбѣ съ трогательной вѣрностью память
о незабвенномъ человѣкѣ до смерти и
патривала неизгладимыя слова на скром-
номъ памятникѣ великому чловѣку на его
могилѣ:

Умъ и тѣла твои бессмертны въ па-
мяти русской... н. в. ш.

Счастье.

I.

Въ холодное зимнее утро приказчикъ
Алексъ Гавриловичъ доставилъ въ бар-
скій домъ привезенную съ вечера по-
чту и старая, заваленная газета. Одно
письмо, отъ тети изъ Саратова, рѣдалъ
горничная Устюша понесла ка антресоли
старшей барышнѣ Ольгѣ Михайловнѣ, дру-
гое, въ толстомъ, еще сохранившемъ аро-
матъ, конвертѣ, младшей—красивой двад-
цатипятилѣтней незамужней Вѣрѣ.

Въ титой, однообразной жизни сестеръ
Удольневыхъ письма были рѣдка, какъ и
все новое. Обѣ жили день за день.
Старшая, — бездѣтная вдова, дожидая
вѣтъ. Младшая, годъ казалъ еще полная
свѣтлыхъ надеждъ на счастье, теряя ихъ
съ каждымъ днемъ.

Таковыя шаги горничной разбудили Вѣ-
ру. Манивально протянувъ руку за пись-
момъ, она равнодушно поднесла его къ га-

* Еще въ 1865 году В. Бездѣловъ изъ
Нижнаго (въ Харьковѣ) слышалъ отъ
одного очевидца катастрофы 30 января,
что, когда послѣдній казакъ А. С. Грибов-
дова, закиривавъ его, былъ убитъ, изъ
комнаты ворвался пехотинецъ (скальчъ), на-
ходившійся въ услуженіи у проживав-
шаго въ Тегеранѣ ханджонскаго купца, и
свалитъ посланника съ ногъ ударами кин-
жала (коже). Въ настоящее время кин-
жалъ, прератившій, по вѣрному, жизни
А. С. Грибовдова, находится въ Москвѣ у
А. К. Тарновскаго. Это небольшой кривой
кинжалъ съ бѣлой костяной ручкой, на-
военный его пращоловъ П. А. Нащокинныиъ
въ Тегеранѣ при прощаніи А. С. Гри-
бовдова на посту посланника, ин. Н. А.
Долгоруковъ. На ножнахъ, кожаныхъ, по-
слѣдствіи, выгравировано: «1837 года января
30 дня въ 3 часа въ 17 минутъ убитъ. Кин-
жалъ хранится въ футлярѣ, обтянутомъ
кожей, съ мѣдной дочкой, съ надписью
«Горе отъ ума».

Грамъ. Едемъ. ГРУМЪ-ГРИНЯЙЛО.
Изъ 25-лѣтняго научно-литературнаго дѣятельности путешественника
и исследователя Средней Азии.

видела одного человека. Впечатания были смутны, словно в калейдоскоп.

Изъ всех пассажиров, бывших с ней всю дорогу, ближе всех она познакомилась с хорошенькой маленькой Французской, м-м Кларой Вазон, бывшей так же, как и она, в Мессину, к жеману. Эта веселая девушка, полная молодого счастья и щебечущая о нем, как птица, цылыми часами, была приятна Вэре. Но, слушая ее болтовню, она сама ни одним словом не обмолвилась о себе, словно боясь нарушить что-то особенное в своей душе, такое, о чем лучше было думать, чем говорить.

— Когда мы напомним с Моисеем много денег, — мы откроем кондитерскую. Теперь он служить в чужой, а тогда будет своя, и вы будете приходить к нам пить кофе и шоколад даром. Какими бисквитами буду я вас угощать! — говорила она Вэре.

И та улыбалась, радуясь, что это будет, что есть жизнь, любви и счастья.

По последнему письму Крыльцова, Вэра должна была остановиться в Сиракузах и ждать его в гостинице.

Как ни была приготовлена Вэра к свиданию, услышав в первый раз, после разлуки в коридоре знакомый голос (она мгновенно узнала его), спрашивающий по-французски ее номер, она вся поблѣднѣла и ноги ее задрожали и подкосились. Но это было одно мгновение. Вся кровь бросилась ей в лицо и, радостно кинувшись к двери, она замерла в объятиях Крыльцова.

Трудно передать безсвязный разговор этой встречи.

— Ну, как ты? — спрашивала, странно осязая, Крыльцов, держа ее руки в своих.

— Ничего... Все хорошо. А ты? — отвечала Вэра, испытывая странное волнение и неправильную везомость.

— Устала, вѣроятно? Отдохнешь, и пойдешь. Мама ждет — не дожидается.

— Да и совѣтъ не устала! Пойдем скорѣй, — сияя радостно, говорила она, краснѣя от его взгляда, как дѣвочка. В жизни людей бывают полосы счастья. Иногда это бывают дни, часы. Какой-нибудь один вечер.

Такой именно вечер полного счастья выпал на долю Вэры, когда она с женихом пришла в Мессину. В радостных слезах старуха Крыльцова, прижавшейся к ее лицу своим старческим добрым лицом, и назвавшей ее — дочка моя милая — в близости любимого человека, в его заботах о ней, в любовном взгляде, устремленном на нее, обитало на Вэру такими светлыми счастьем.

Вечер пролетел как сон, непримѣно долетѣлъ до полиции. Старуха Крыльцова ушла спать раньше.

— Пера и на покой, — сказала Вэра, прощаясь с Крыльцовым.

Он, сказав ее руку, вѣжко и страстно смотрѣлъ на нее.

Она освободила руки и, скользнув в комнату, заперла дверь.

— До завтра!

И засмѣившись счастливым смѣхом, каким смѣются счастливыми женщины, прижалась лицом к двери.

— Прощай, моя радость!

В коридорѣ все стихло.

Вэра опять улыбнулась, постояла еще минуту, прислушиваясь к удаляющимся шагам, потом подошла к большому букету сѣдых роз, подаренному тѣм Крыльцовым, и прижалась лицом к его сѣдым душистым листьям.

Радостная, тиха слезы вдруг закатили на розах.

IV.

Вэра проснулась полѣ утро от страшного толчка. Вся комната колыхалась и кровать, на которой она лежала, вдруг словно полетела куда-то полѣ ней. Стоявший в углу шкаф вдруг наклонил-

Мать Александровна ГРИБСВЕРДОВА, жена А. С. Грибсвердова, урожденная немка Чалвацкая. + 25 июня 1857 года.

ся вперед и с страшным стуком повалился на полѣ, задѣвая ноги. Сорвалось и упало съ своной большое зеркало. Домъ трещал и шатался.

Вскочивъ въ безумном ужасѣ съ кровати, Вэра успѣла еще накинуть на себя платье, когда раздался второй толчок, и грохотъ чего-то упавшаго, огромнаго, тяжелаго, и вслѣдъ за нимъ неистовый, животный женскій вопль... Казалось, вихляло въ сумасшедшемъ ужасѣ нѣсколько сотъ женщин и дѣтей. Въ этомъ крикѣ была боль и страх, безумный страх передъ совершающимся.

Въ это мгновение Вэра не вспомнила ни о женихѣ, ни о старухѣ, его матери — она думала только о себѣ, о своемъ спасеніи. Она дѣйствовала безотчетно, поинувшись инстинкту.

Въ коридорѣ бѣсновалась обезумѣвшая толпа, стараясь выбраться изъ-под валившихся со всѣхъ стѣн обломковъ, и Вэра мгновенно поняла, что, попадя она туда, — она погибла. Кинувшись къ окну въ пламень огня, Вэра высочила на улицу и бросилась бѣжать, не зная куда. Обломки дерева, камня и известка летѣли на нее. Она бѣжала въ пантешскомъ ужасѣ, сталкиваясь съ такими же потерявшими рассудокъ людьми, растрепанными женщинами, дѣтьми, мужчинами.

Зловѣщее чѣрное-желтое зарево вдругъ освѣтило эту картину страшнаго суда. Земля дрожала, словно готовая отдать своихъ мертвецовъ.

Внезапно Вэра остановилась, пораженная. Помрачившійся рассудокъ создалъ страшную галлюцинацію. И то, что явилось ей въ это ужасное мгновение, на вѣкъ запечатлѣлось въ памяти.

Рѣзко отдѣлился на фонѣ пылающаго

неба, мчалось гигантское видѣніе архитектурнаго въ черныхъ перьяхъ достѣхалъ. Надъ грознымъ прекраснымъ чело-мъ вѣвала багряно-красная перья шлема. Въ одной рукѣ алѣи держало мечъ, другой подносило къ губамъ трубу.

Раздался невыносимый для слуха людскаго вѣдний звукъ, равнаго которому не было во свѣтѣ.

Онъ наполнилъ собою весь міръ и провозвѣстивъ послѣдній часъ всему живому. Тогда, потерявъ сознание, Вэра упала на землю, полѣ ноги бѣгущихъ и давившихъ ее, сумасшедшихъ отъ ужаса людей.

Вэра пришла въ себя на пароходѣ. Крутомъ нея были чужіе люди, относившиеся къ ней, какъ роблю. Эти люди были наши русскіе моряки.

Временная потеря рассудка прошла для нея безслѣдно, во все случившееся казалось кошмаромъ. Только увидѣвъ около себя несчастныхъ калѣк-раненыхъ, осирѣвшихъ дѣтей и матерей, Вэра поняла страшную истину. Изъ всего огня, гдѣ жила она съ Крыльцовымъ и его старой матерью, спаслись всего двое. Крыльцова не было между ними. Остальные погибли подъ обломками здания. Все было кончено, но Вэра, хоти и негражданская, не убѣжала.

Безумная надежда, что Крыльцовъ, быть можетъ, спасся чудомъ, не покидала ее. Она не вѣрила, что никогда не увидитъ его больше.

Между ранеными, перевезенными на пароходѣ, находилась молоденькая Французка съ перебитыми ногами, потерявшая рассудокъ при гибели жениха, раздавленнаго на ее глазахъ.

Эта дѣвушка была Казара.

Вэра узнала ее и осталась около нея до послѣдней минуты.

— Я счастлива, — были предсмертныя слова умирающей.

Въ холодное сырое утро Вэра вышла изъ вагона и поѣхала къ себѣ въ деревню.

На всей природѣ лежалъ стечатохъ зимнаго ушма, но въ каркани ворота,

Взятый вѣстель во морскихъ поросель Вас. Андр. АЛЕНСВЕРВЪ («Брутъ»). Сѣ фот. К. Булла.

ЧЛЕНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ МИССИИ ВЪ ТЕГЕРАНѢ.

Слева: драгоманъ г. Лисовскій и г. Барановскій, потрениръ въ дѣлахъ г. Сабаливъ, гг. Григорьевъ, Евреимовъ, Ивановъ, Валя-дѣръ-Гюльъ.

— Можно, конечно. Но степень нашего влияния на них может всегда находиться въ зависимости отъ ихъ умственного развитія. Приходится потратить много силъ прежде, чѣмъ удастся заинтересовать ихъ. Но какъ только удастся преодолѣть первое затрудненіе, дѣло перестаетъ быть труднымъ, и результаты получаются такіе же, какъ и въ обыкновенныхъ случаяхъ.

— А по отношенію къ идіотамъ ваша наука безсильна?

— Наука—да. Когда отсутствуетъ сила мышленія, то лечение, основанное на концентрованіи мыслей и воспріятіи чужихъ мыслей пациентомъ, не можетъ быть дѣйствительнымъ. Но у насъ есть иной способъ лечения слабоумныхъ дѣтей. Этотъ способъ вы можете увидѣть въ Крейфель*, гдѣ д-ръ Кенъ (Quinqué) и прекрасно сформированный штатъ учителей посвящаютъ все свое время этой дѣлу. При такихъ случаяхъ мы пускаемъ въ ходъ внушеніе только тогда, когда явится, наконецъ, возможность примѣнить его къ дѣлу, когда, послѣ многихъ усилій, станетъ понемногу просыпаться дремлющій разумъ. Мы приступаемъ къ внушенію также въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ поручаютъ дѣтей не ядротевъ, а только порочныхъ. Вотъ, напримеръ, недавно родители приказали 10-лѣтняго мальчика, который съ истиннымъ наслажденіемъ мучилъ животныхъ. Они призывали его ласкательными субъектомъ, ответственныиъ за свои поступки. Ни малѣйшаго убѣжденія, ни строгія наказанія не могли пробудить въ немъ чувства жалости и чуждыности. Родители считали его маньякомъ, но мы безъ особаго труда справились съ нимъ. Несмотря на то, что одна сторона его мышленія отклонилась отъ прямого пути, онъ все-таки былъ существомъ разумнымъ, а потому способнымъ воспринять гипнозъ. Конечно, надъ нимъ пришлось много поработать и постоянно подвергать его вліянію гипнотическихъ внушеній: владѣющая имъ страсть, жестоководіе, глубоко засяла въ него. Зато теперь мальчикъ совершенно здоровъ и не проявляетъ вовсе поползновенія дергать за

уши кошку и наступать собакамъ на хвостъ.— Гипнотизмъ, по вашему, удивительная, чудесная сила?

— Да. Она постоянно проявляется, отчасти сознательно, отчасти бессознательно. Вліяніе одного индивидуума на другого— своего рода гипнозъ, вліяніе окружающей

среды—также. Вотъ послушайте. Недавно утромъ ко мнѣ въ клинику явилась здоровенная, крѣпко сложенная торговка мѣстного рынка (Halles),—гитъ м-ме Анго. Я предложилъ ей ступать и вѣжливо спросилъ ее, въ чемъ заключается ея болѣзнь. Она ни слова не отвѣтила на

мой вопросъ и молча уставилась въ меня глазами. Обождавъ нѣсколько минутъ, я повторилъ свой вопросъ. Тотъ же результатъ: упорное молчаніе и удивленный взглядъ. Когда же я въ третій разъ повторилъ свой безобидный вопросъ, она воскликнула, задыхаясь отъ волненія: «Да подождите же, не торопите меня такъ! Вы такъ на меня кричите, что всѣ мысли мои перепутались!» А между тѣмъ я не сказалъ ей и шести словъ, и притомъ вѣжливо предложилъ ей ступать. Но самый видъ приличнаго и кроткаго стараго господина возволновалъ ее, а все окружающее обстоятельство заинтересовало ее. Если бы мы съ нею отлучились въ обратномъ положеніи, т. е. я пришелъ бы къ ней на рынокъ и сталъ покупать у нея овощи,—тогда итѣ, въ свою очередь, пока-

Новый германскій имперскій консулъ въ Тегеранѣ г. Фрихъ-БЕТМАНЪ-ГОЛЬДБЕРГЪ, назначенный вместо г. Биллова.

залось бы, что она «кричитъ» на меня, и гипнотизеръ превратился бы въ гипнотизируемаго.

— Расскажите мнѣ, пожалуйста, первый случай изъ вашей практики.

— То былъ замѣчательный случай. Въ врачи того времени были поражены. Случилось это 20 лѣтъ назадъ. Молодая дѣвушка, совершенно здоровая физически, давала урокъ въ классѣ и вдругъ ошмыгала. Она была учительницей и кляла исключительно своимъ трудомъ. Поочередно она обращалась ко многимъ врачамъ. Всѣ единогласно заявляли, что явленіе это чисто нервное и безусловно поддается лечению. Диагнозъ былъ угнѣтительный, но время шло, а въ состояніи больной не замѣчалось ни малѣйшаго улучшенія. Разные способы леченія: холодныя души, акарства, электричество, были поочередно испробованы на ней, и все безъ результата. Съ нахлынувшимъ дѣмъ она все больше и больше падала духомъ. Въ концѣ-концовъ м-гъ Анжаль, бывшій вице-президентъ парижскаго муниципальнаго совета, взялъ подъ свое покровительство молодую дѣвушку и, бывавъ съ нею у главнѣйшихъ светилъ медицинскаго міра, рѣшилъ испробовать на ней силу гипнотизма. Придя къ такому рѣшенію, онъ повелъ пациентку въ Hôpital de la Pitié, гдѣ и работала въ качествѣ ассистента Дюмонпалье. Трогательную фигуру представляла собою молодая дѣвушка, полная силъ и здоровья, съ прекрасно развитой головою, въ формѣ которой сказывалась порода, съ открытыми умными глазами, но съ выраженіемъ мрачнаго отчаянія въ глазахъ. «Неужели никто мнѣ не поможетъ?»—казалось, говорили ей глаза.

И безъ особаго труда привезъ ее въ со-

Памятникъ первому русскому посланнику въ Персію драматургу А. С. ГРИБОЕДОВУ, убитому въ 1829 году въ Тегеранѣ. Надпись на памятникѣ: «А. С. Грибоедовъ. Русскіе въ Персіи въ 1800 г.». Овъ поставленъ въ саду русской миссіи въ Персіи. Памятникъ сооруженъ по проекту скульптора Веккерлишова. Съ фот. А. Свирюгина, мѣлой для «Дев. Вр.»

* Институтъ для слабоумныхъ.